„Пров

A. Kolosoff, Plehwe's und Sergius' Tod.

А. Колосовъ.

Смерть Плеве

и великаго князя

Сергѣя Александровича.

Berlin.
Stuhr'sche Buchhandlung, Verlag.
1905.

О мертвыхъ принято говорить хорошее или ничего. Но есть мертвецы, о которыхъ, при всемъ желаніи, не скажешь ничего хорошаго. И если есть человѣкъ, послѣ смерти котораго нѣтъ и не можетъ быть желанія сказать что-нибудь хорошее, то это Плеве. И о немъ въ то же время нельзя не говорить совсѣмъ.

Когда Балмашовъ убилъ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, и на его мѣсто назначенъ былъ Плеве, „Русскія Вѣдомости“ высказались по поводу этого назначенія въ томъ смыслѣ, что послѣ насильственной смерти Сипягина явилось естественнымъ назначеніе Плеве на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Эта фраза, истолкованная неправильно, ставилась кое-кѣмъ въ вину и въ упрекъ московской либеральной газетѣ. Эту фразу кое-кто истолковывалъ такъ, будто-бы „Русскія Вѣдомости“, порицая убійство Сипягина, привѣтствуютъ назначеніе на важнѣйшій и вліятельнѣйшій постъ человѣка, вся прошлая дѣятельность котораго не оставляла ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ еще болѣе самовластно и болѣе своевольно

придавитъ своею грубою рукою всякое сколько нибудь живое проявленіе общественной самодѣятельности. Вспоминалась вѣдь его долгая служебная карьера, во время которой все: сердце, совѣсть, порядочность, состраданіе и человѣчность безжалостно и безъ остатка приносились имъ въ жертву безконечному честолюбію и ненасытимой жаждѣ власти.

Но въ томъ-то и дѣло, что въ формѣ нѣсколько туманной, дающей поводъ къ различнымъ толкованіямъ, но обусловленной цензурными соображеніями, газетой было вполнѣ правильно высказано, что реакція, выдвинувшая въ свои первые ряды Сипягина вмѣстѣ съ незадолго до него убитымъ министромъ Боголѣповымъ, еще не сказала своего послѣдняго слова. Она не желала безъ дальнѣйшей борьбы уступить ни пяди изъ всевластно захваченныхъ ею прерогативъ, и на выстрѣлъ Балмашова она не могла не отвѣтить еще болѣе суровыми репрессаліями. И даже тѣмъ, кто страдалъ отъ этихъ репрессалій, казалось, что онѣ нужны, что нуженъ послѣдній жесточайшій ударъ, нанесенный опьяненной своею властью реакціей русскому обществу, чтобы послѣднее проснулось, наконецъ, отъ своей спячки въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ. Въ лицѣ Плеве, какъ не только выразителя, но и — якобы — вдохновителя самой себя, реакція видѣла тотъ неумолимый молотъ, который способенъ нанести живому народному ор-

ганизму послѣдній предсмертный ударъ, послѣ котораго настала-бы желанная ей кладбищенская тишина. И подобный же молотъ видѣла въ лицѣ Плеве русская интеллигенція, привѣтствовавшая, да, привѣтствовавшая! назначеніе Плеве словами: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!“ Таковъ истинный смыслъ приведенной фразы „Русскихъ Вѣдомостей“, и она въ томъ смыслѣ не являлась пророческой, что пророчество можетъ быть высказано только лишь одними устами. Въ данномъ случаѣ своеобразное привѣтствіе министру внутреннихъ дѣлъ высказывалось десятками тысячъ лицъ, и мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ единичнымъ пророчествомъ, а съ возрастаніемъ политическаго самосознанія у русскаго общества.

Не обошлось безъ ошибокъ съ обѣихъ борющихся сторонъ. Сторона болѣе могучая ошиблась нѣсколько въ своемъ разсчетѣ, сторона болѣе слабая — въ своихъ надеждахъ. Притаившись въ ожиданіи жесточайшаго удара, задыхаясь въ уздѣ и петлѣ, все болѣе и болѣе тѣсно стягиваемыхъ, русское общество, эта слабѣйшая сторона въ борьбѣ, сопротивлялась лишь пассивно, приносила неисчислимыя жертвы и все еще надѣялась, что будетъ еще хуже и хуже, пока, наконецъ, петля затянется настолько, что удавливаемый народный организмъ въ минуту величайшей опасности задохнуться и погибнуть окончательно, однимъ могучимъ движеніемъ сброситъ съ себя петлю, вздохнетъ полной

грудью и заживетъ обновленной свободной жизнью. До этого момента не дошло не потому, что Сазоновъ поторопился бросить свою бомбу въ блиндированную карету Плеве, а потому, что, какъ указано было выше, и реакція ошиблась въ своемъ разсчетѣ. Плеве былъ, подобно своимъ предшественникамъ, лишь выразителемъ, но не вдохновителемъ реакціи. Вдохновленіе требуетъ въ значительной степени вдохновенія, а безъ вдохновенія нѣтъ и не можетъ быть творческой работы. Даже ярые апологеты Плеве признаютъ, что въ государственной работѣ Плеве не было ни вдохновенія, ни творчества. Это былъ государственный кустарь, подсмотрѣвшій у своихъ учителей технические пріемы государственнаго ремесла, но примѣнявшій эти пріемы грубо, аляповато и необдуманно. Вотъ почему лишенная сколько нибудь глубокихъ основъ дѣятельность Плеве въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ не принесла преждевременно торжествовавшей реакціи тѣхъ результатовъ, которыхъ она ждала отъ необычайнаго возвеличенія мѣръ полицейскаго обузданія и пресѣченія. Вотъ почему и русское общество не нашло въ себѣ силъ для того необычайно могучаго, достигаемаго лишь величайшимъ напряженіемъ въ минуты высшей опасности жеста, которымъ удавливаемый освобождается отъ затягиваемой петли и который своими результатами оправдалъ бы смыслъ пословицы: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“.

Не было недостатка въ моментахъ, когда казалось, что новыя мѣропріятія, чтобы не сказать: новыя злодѣянія Плеве вотъ-вотъ вызовутъ освободительный жестъ русскаго народа, но могучій организмъ послѣдняго еще не задыхался, не бился конвульсивно въ петлѣ, и даже изстрадавшаяся русская интеллигенція воспринимала съ глухимъ, сдавленнымъ протестомъ, близкимъ и родственнымъ апатіи прежняго времени, многое изъ того, что при другихъ условіяхъ и въ другое время вызвало-бы стихійное освободительное движеніе. Не былъ этимъ ударомъ молота, выковывающаго булатъ народнаго сознанія, первый и возмутительнѣйшій поступокъ Плеве: убійца Сипягина отданъ былъ подъ военный судъ, съ сужденіемъ по законамъ военнаго времени.

Пресловутая гуманность великой распутницы на русскомъ престолѣ выразилась и въ томъ, что гражданскимъ судамъ не дано было право постановлять по уголовнымъ дѣламъ смертныхъ приговоровъ. Но законодатели этого времени, нагло узурпировавшіе законодательную власть и злоупотреблявшіе ею противъ воли и противъ интересовъ народа, оставили себѣ и своимъ преемникамъ лазейку. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право, изъявъ дѣла особой важности изъ вѣдѣнія уголовныхъ судовъ, передавать ихъ на разсмотрѣніе военныхъ судилищъ. Плеве вспомнилъ объ этой лазейкѣ и воспользовался ею, чтобы

застращать русское общество, запугать и унизить русскій народъ. Русское общество содрогнулось, когда прочитало въ газетахъ объ этомъ ужасномъ приказаніи Плеве, равносильномъ предрѣшенію приговора надъ убійцей Сипягина. Тайная, смутная, невысказанная по причинамъ фактическаго свойства надежда русскаго общества на то, что дикій до невѣроятности, жестокій до невозможности актъ мести не будетъ приведенъ въ исполненіе, что Балмашовъ будетъ, хотя бы въ послѣдній моментъ, помилованъ, — не оправдалась. И вздохъ отчаяннаго ужаса, вырвавшійся изъ сдавленной груди русскаго общества, былъ тѣмъ глубже и тѣмъ тягостнѣе, что во время суда надъ Балмашовымъ выяснился необычайно чистый образъ этого юноши-бойца, юноши-борца.

Перчатка, брошенная обществу, не осталась безъ отвѣта. Когда фонъ-Валь, понявшій, что режимъ Плеве гарантируетъ прикрытіе и одобреніе всякой гнусности и всякаго злодѣянія, исходящихъ сверху, превысилъ и безъ того высокую власть свою, Леккертъ, простой рабочій изъ еврейской среды, отвѣтилъ на гнусность актомъ самозащиты. Возмущенное чувство человѣческаго достоинства, попраннаго сатрапомъ и его послушными рабами съ свистящими нагайками въ рукахъ, нашло себѣ блестящаго, экспансивнаго въ своей идеальности и идеальнаго въ своей экспансивности защитника въ лицѣ Леккерта. Онъ промахнулся, онъ не съу-

мѣлъ дать мѣткаго выстрѣла, но не это важно. Неважно въ данномъ случаѣ, что не погибъ дикій сатрапъ, на чье мѣсто всегда нашлись бы другіе, столь-же покорные и столь-же проворные выученики Плеве. Нѣтъ, важно было то, что именно изъ среды десятки лѣтъ попираемаго и угнетаемаго русскаго еврейства вышелъ этотъ слабый тѣлесно, но сильный духовно мститель и защитникъ. И это понялъ Плеве. Мотивы защиты человѣческаго достоинства были непонятны этому грубому уму, были чужды его грубому сердцу, закалившемуся въ петербургскихъ застѣнкахъ. Ему казалось необходимымъ актомъ кроваваго, хотя бы при помощи висѣлицы и безкровнаго возмездія дать острастку русскому еврейству, какъ онъ полагалъ, что казнь Балмашова явилась достаточной острасткой русской интеллигенціи. И Леккертъ былъ повѣшенъ.

Раздался новый выстрѣлъ. Рабочій, вышедшій изъ крестьянской среды, мстилъ за попранное человѣческое достоинство крестьянъ. Другой сатрапъ, также базировавшій на твердой почвѣ своей безотвѣтственности, истолковалъ свою власть, какъ слѣдствіе беззаконія, поощряемаго режимомъ Плеве. Аграрные безпорядки на югѣ дали ему давно искомый случай отличиться и выслужиться. Темный, невѣжественный народъ поднялся противъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Великій актъ освобожденія крестьянъ остался въ томъ отношеніи

полумѣрой, что земля, источникъ жизни и благосостоянія безхитростнаго землепашца, дана была ему въ урѣзанномъ, недостаточномъ количествѣ. Сорокъ лѣтъ живетъ и дышетъ крестьянство мыслью о черномъ передѣлѣ. Здѣсь и тамъ время отъ времени движеніе принимало интенсивныя формы. Крестьяне, утомившіеся ждать, пока царь надѣлитъ ихъ землей, выходили съ косами и топорами противъ тѣхъ, кто по ихъ мнѣнію владѣлъ незаконно ихъ полями и пажитями. Но никогда это движеніе не пріобрѣтало столь яркихъ и рѣзкихъ формъ, какъ аграрные безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Полтавскій губернаторъ проявилъ нѣкоторую гуманность, истолкованную въ Петербургѣ въ качествѣ слабости. Но харьковскій губернаторъ проявилъ неслыханную жестокость, имѣвшую въ результатѣ похвалы и одобренія Плеве. Онъ усмирилъ крестьянскія возстанія не увѣщаніями, не разъясненіемъ темному люду истиннаго положенія вещей, но силой свистящей нагайки. Отданные на произволъ казаковъ, крестьяне почувствовали на своихъ спинахъ всю тяжесть своего безправнаго положенія и безъисходной экономической нужды. Но крестьянство еще не доросло до роли защитника своихъ интересовъ и мстителя за свое попранное достоинство. Лишь послѣ соприкосновенія съ городской культурой, лишь послѣ знакомства съ элементарной грамотой, лишь подъ вліяніемъ экономическихъ ученій о по-

ложеніи рабочаго, русскій крестьянинъ, пригнанный нуждой въ городъ, начинаетъ сознательно относиться къ себѣ и къ нуждамъ своего сословія. Вотъ почему не крестьянинъ, а рабочій изъ крестьянъ Ѳома Качура далъ своимъ выстрѣломъ краснорѣчивый отвѣтъ за всѣхъ тѣхъ, кто покорился и безмолвствовалъ.

Плеве и здѣсь прибѣгнулъ къ излюбленному методу острастки, къ военному суду. Заступничество, обоснованное желаніемъ того, кто недавно выказалъ себя звѣремъ въ человѣческомъ образѣ, пококетничать передъ русскимъ обществомъ своей гуманностью, спасло покушавшемуся жизнь. Дальнѣйшее стеченіе обстоятельствъ возвратило ему вновь свободу. Для дѣла раскрѣпощенія русскаго крестьянства свобода недавняго узника не имѣетъ больше значенія. Роль его сыграна, какъ сыграна была своя историческая роль, своя великая культурная миссія непосредственными предшественниками Качуры, въ рукахъ которыхъ не задрожалъ въ рѣшительный моментъ револьверъ. Если бы Балмашовъ въ настоящее время, какъ помилованный, сидѣлъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а Леккерту, въ силу манифеста, возвращена была свобода, они больше не были-бы опасны реакціи. Но прямолинейный умъ Плеве не понималъ этого. Острастка, возмездіе, строжайшее наказаніе — вотъ что казалось всевластному начальнику русской полиціи средствомъ искорененія крамолы и броже-

нія. И приказъ за приказомъ исходили изъ его канцеляріи относительно преданія военному суду. Даже за убійство простого городового убійцы были преданы военному суду, приговорены къ смертной казни и повѣшены. Но кто изъ русскаго общества запомнилъ имена этихъ жертвъ произвола Плеве? Кто вспоминаетъ детали, кто продолжаетъ интересоваться мотивами совершенныхъ ими убійствъ? Никто. Дѣло не въ личностяхъ, и даже стертые съ земли крупные мстители Балмашовъ и Леккертъ сыграли свою роль не какъ отдѣльныя личности, но какъ выразители того, что въ тайникахъ своихъ душъ замышляло и думало все русское общество.

Гдѣ было Плеве все это понять? Прямолинейный, грубый, безчувственный, привыкшій видѣть вокругъ себя покорныхъ рабовъ, онъ полагалъ, что его кулакъ сотретъ не только отдѣльныя личности, но и сгладитъ съ страницъ исторіи великіе историческіе акты народнаго возмездія. Лишенный глубокаго пониманія всего происходящаго, бездарный выразитель, принятый за талантливаго вдохновителя, онъ еще хвастался тѣмъ, что террористическіе акты явились-де лишь слѣдствіемъ слабости полиціи. Черезъ полгода, говорилъ онъ французскому корреспонденту, — полиція будетъ сильна, и русская революція будетъ окончательно и навсегда подавлена. Но онъ самъ не вѣрилъ въ правдивость своихъ словъ, ибо не только черезъ полгода, но и значительно позже онъ про-

должалъ ѣздить въ блиндированной каретѣ и тратить на охрану своей особы огромныя средства. И та-же блиндированная карета не спасла его отъ бомбы, та-же охрана не вырвала его заблаговременно изъ когтей русскаго террора. Изъ борьбы сильнаго съ слабымъ — побѣдителемъ вышелъ слабый, этотъ мнимый мертвецъ.

Для усиленія полиціи приглашенъ былъ начальникомъ департамента полиціи Лопухинъ. Покорный волѣ облагодѣтельствовавшаго его министра, онъ производилъ усиленіе полиціи негативнымъ способомъ: насильническими мѣрами надъ всѣми многочисленными, хотя и разрозненными силами русскаго общества. Сотни, тысячи лицъ ссылались, высылались съ мѣста жительства, отданы были подъ судъ, брошены были въ тюрьмы и иныя мѣста заключенія, подвергаемы были всяческому произволу, лишены были права общественной дѣятельности, лишены были права говорить и возможности дѣйствовать, и эта огромная убыль въ рядахъ враговъ полиціи сочтена была Плеве за усиленіе ея. Онъ видѣлъ, что ряды враговъ пополняются все новыми и свѣжими силами, безмолвно становившимися на свои мѣста, чтобы затѣмъ безмолвно исчезнуть и уступить свое мѣсто дальнѣйшимъ, столь же безмолвнымъ борцамъ. Но онъ не понималъ причинъ этого явленія, не могъ понять, откуда берутся эти свѣжія силы, почему онѣ такъ радостно и безропотно приносятъ на алтарь страны

свою молодость, свои годы, свое здоровье, свои порывы и идеалы. Напряженіе общественныхъ силъ требовало реакціи. Безропотность и безмолвіе, концентрируясь въ десяткахъ тысячъ грудей, не могли не перейти въ крикъ протеста. Электричество не скопилось еще настолько въ русской атмосферѣ, чтобы грянувшій громъ разгромилъ однимъ громовымъ ударомъ русскую реакцію, чтобы одна яркая молнія разомъ сожгла все, что стояло на пути освобожденія русскаго народа. Въ этомъ отношеніи Сазоновъ нѣсколько поторопился, какъ показалъ послѣдующій ходъ всѣхъ русскихъ событій, но да не осмѣлится ничья рука бросить камень упрека въ этого юношу-идеалиста, явившагося мстителемъ за русскій народъ! Только мстителемъ, ибо окончательной освободительной роли бомба, брошенная имъ, не сыграла...

Убійство Плеве явилось неожиданностью. Этого акта ждали въ первые мѣсяцы его властвованія, какъ непосредственное продолженіе болѣе раннихъ террористическихъ актовъ, какъ неминуемое слѣдствіе его насильничества. Позже къ его бѣлому террору нѣсколько привыкли, съ нимъ нѣсколько сжились, напряженность ожиданія уменьшилась, и то, что всѣ предвидѣли, на что надѣялись, чего въ тайникахъ своей души страстно желали, явилось тѣмъ не менѣе значительной неожиданностью. Не было предшествовавшихъ неудачныхъ покушеній, и для публики осталось до сихъ поръ тайной,

предназначалась ли бомба, разорвавшаяся въ свое время въ одной изъ петербургскихъ гостинницъ, для Плеве. Въ равной мѣрѣ унесена въ могилу тайна, для кого предназначалась бомба, разорвавшаяся случайно въ гостинницѣ „Бристоль“ и унесшая въ могилу неосторожнаго владѣльца ея. Сазоновъ былъ остороженъ. Онъ умѣло и бережно охранялъ свое роковое оружіе, и даже заклятые враги террористическихъ актовъ относятъ подробности убійства Плеве къ области „чистой работы“. Какъ произошелъ этотъ кровавый судъ надъ безсердечнымъ, кровожаднымъ насильникомъ русскаго народа, — извѣстно всѣмъ.

Убійство великаго князя Сергѣя Александровича произвело на весь цивилизованный міръ гораздо менѣе сильное впечатлѣніе, нежели убійство Плеве, хотя обстоятельства, условія и подробности обоихъ убійствъ были такъ удивительно сходны съ собою. Это и понятно. Фигура Плеве была хотя грубѣе, но неизмѣримо крупнѣе; постъ, занимаемый имъ, — выше и вліятельнѣе, отвѣтственнѣе и труднѣе. Правда, Сергѣй Александровичъ былъ великимъ княземъ, — по россійскимъ законамъ, созданнымъ на почвѣ беззаконія, особа высокочтимая, едва ли не священная. Но то обстоятельство, что онъ родился великимъ княземъ, дѣлало его далеко не столь прямолинейнымъ бурбономъ, какимъ былъ Плеве. Къ тому же онъ и не имѣлъ случаевъ входить въ личныя сношенія съ столь

разнородными представителями различныхъ классовъ и группъ населенія, коимъ приходилось сталкиваться съ министромъ внутреннихъ дѣлъ лицомъ къ лицу по самымъ разнообразнымъ поводамъ, случаямъ и вопросамъ. Онъ не имѣлъ возможности ни производить грубый окрикъ общественнымъ группамъ и учрежденіямъ, какъ это дѣлалъ зачастую Плеве по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто не былъ слѣпо согласенъ съ его единоличнымъ мнѣніемъ и не желалъ покорно повиноваться его единоличной волѣ, — онъ не имѣлъ возможности ни давать прессѣ предостереженія, ни распоряжаться объ изъятіи изъ ея вѣдѣнія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, ни закрывать совсѣмъ нелюбимые органы печати, ни отказывать въ утвержденіи земскихъ выборовъ, ни оказывать давленіе на органы земскаго самоуправленія, ни смѣщать произвольно и выселять земскихъ дѣятелей, ни устраивать пресловутыя ревизіи губернскихъ земствъ, ни воспрещать земскимъ собраніямъ обмѣнъ мнѣній по общегосударственнымъ вопросамъ, ни устранять росчеркомъ пера естественнаго желанія земствъ сплотиться и организоваться. Онъ не имѣлъ возможности ни вмѣшиваться губительно въ дѣла городского самоуправленія, ни запрещать и искоренять всякія попытки общественной организаціи, ни властвовать надъ судьбою и будущностью сотенъ и тысячъ общественныхъ дѣятелей, ни устраивать еврейскіе погромы въ Кишиневѣ и Гомелѣ, сваливая

обвиненіе на самихъ-же пострадавшихъ евреевъ, ни травить одну кавказскую народность противъ другой, ни подавлять вооруженной силой мирныя забастовки рабочихъ, ни отнимать у армянской церкви ея имущество, ни вести на революціонный путь мирное населеніе Финляндіи, ни давить и угнетать все 140-милліонное населеніе Россіи. Все это могъ позволить себѣ и позволялъ Плеве въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ могущественнаго временщика, въ качествѣ истиннаго и фактическаго „самодержца всея Россіи“. Въ кругъ компетенціи великаго князя Сергѣя Александровича все это не входило. Онъ былъ и оставался лишь московскимъ генералъ-губернаторомъ. Его власть и прерогативы не заходили дальше „первопрестольной“. Все, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ при помощи другихъ лицъ, самъ оставаясь до извѣстной степени въ тѣни.

И въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было таково, что если-бы онъ даже того и хотѣлъ, онъ не могъ-бы давать волю своимъ грубымъ страстямъ и дикимъ выходкамъ. Онъ больше какъ будто-бы фигурировалъ въ качествѣ московскаго генералъ-губернатора и представительствовалъ, но не дѣйствовалъ. Единичныя, строго процѣженныя сквозь ситочко благонамѣренности лица „представлялись“ ему, депутаціи отъ общественныхъ группъ никогда не допускались къ нему, приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе члены благотворительныхъ об-

ществъ принадлежали къ избраннѣйшимъ кругамъ Москвы, циркуляровъ и приказовъ, способныхъ возмутить разнообразные круги населенія, онъ не подписывалъ. Подобные приказы по полиціи, вызывавшіе общее негодованіе, носили подпись московскаго полицмейстера, генералъ-майора Трепова. Всѣ ограничительныя и запретительныя мѣропріятія по отношенію къ городскому и земскому управленію, по отношенію къ различнымъ общественнымъ группамъ Москвы исходили отъ московскаго губернатора, гофмейстера Булыгина. Великій князь выступалъ на арену административной дѣятельности лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда нуженъ былъ запугивающій авторитетъ генералъ-губернатора и все еще кое-кого слѣпившій престижъ великаго князя. И все-таки всѣ знали и понимали, что онъ былъ главной пружиной административнаго механизма, что онъ былъ той невидимой рукой, которая приводила въ движеніе маріонетки на административной сценѣ Москвы. И Булыгинъ, и Треповъ были слишкомъ прилежными учениками русскаго бюрократизма, чтобы не понимать отлично, что все ихъ личное благо, вся ихъ будущая карьера въ полной зависимости отъ милости и немилости великаго князя. Поэтому все, что ни дѣлали они оба фиктивно во имя блага населенія Москвы, они дѣлали по существу во имя личнаго блага и будущаго своего благополучія. Все, что они ни приказывали, предписывали и подписывали,

дѣлалось съ вѣдома и согласія великаго князя, въ силу сдѣланныхъ имъ распоряженій, въ духѣ его взглядовъ вообще. Булыгинъ принималъ на себя скрытыя въ полутаинственныхъ фразахъ нападки оппозиціонныхъ элементовъ городского и земскаго самоуправленія, и всѣ знали и понимали, что нападки эти направлены по существу противъ великаго князя. Треповъ былъ объектомъ цѣлаго ряда покушеній на его жизнь, и всѣ понимали, что хотя револьверъ направлялся покушавшимися противъ Трепова, дѣйствіе выстрѣловъ предназначалось по болѣе высокому адресу великаго князя, какъ вдохновителя и иниціатора всего того, что отъ его имени, хотя и не называя его, творили его ближайшіе и вѣрнѣйшіе слуги. И онъ показалъ, что онъ умѣетъ не только понимать создавшееся положеніе, но и цѣнить личныя по отношенію къ нему заслуги тѣхъ, кто, подобно собакѣ, подчинялись безпрекословно волѣ своего хозяина и заискивающе смотрѣли ему въ глаза. И онъ въ первый же представившійся благопріятный моментъ вознаградилъ сторицей своихъ слугъ, поставивъ ихъ въ условія, когда они, наконецъ, получили настоящую власть и имѣютъ возможность дѣйствовать отъ своего собственнаго имени, не тѣснимаго болѣе въ тѣнь именемъ болѣе авторитетнаго и выше поставленнаго начальника своего.

Достигъ этого великій князь благодаря своему огромному вліянію, мало выдвигавшемуся имъ на-

ружу, причемъ все-таки общественныя группы прекрасно понимали, каковы сила и значеніе этого вліянія. На слабаго и безвольнаго племянника своего, носящаго корону и поставленнаго во главу угла Россійской Имперіи, великій князь имѣлъ вліяніе, равнаго которому не имѣлъ никто другой изъ приближенныхъ Николая II. Правда, входившіе съ докладами и проводившіе свою волю вліятельнѣйшіе министры не допускали вмѣшательства великаго князя въ кругъ своей министерской компетенціи, но великій князь и не пытался противопоставлять свой голосъ опредѣленнымъ мѣрамъ, ограниченнымъ кругомъ дѣйствій одного какого либо министерства или вѣдомства. Нѣтъ, онъ дѣйствовалъ иначе. Являясь вожакомъ, организаторомъ и вдохновителемъ т. н. партіи великихъ князей, онъ-же являлся и непосредственнымъ выразителемъ той темнѣйшей и архаической реакціи, которую сконцентрировали въ своихъ трусливыхъ рукахъ и дряблыхъ умахъ великіе князья, бездѣльники, кормящіеся на счетъ русскаго народа, высасывающіе изъ него его матеріальные и духовные соки. Свое вліяніе великій князь, не противопоставляя его по виду вліянію отвѣтственныхъ совѣтниковъ царя, выказывалъ въ томъ смыслѣ, что запугиваніями и усовѣщаніями, скрытыми махинаціями и придворными интригами онъ оказывалъ давленіе на того, чья безвольность и нерѣшительность допускали предположеніе, что онъ мо-

жетъ поддаться такъ называемымъ либеральнымъ вѣяніямъ, соотвѣтствующимъ духу и требованіямъ времени. За десять лѣтъ царствованія Николая II мы видѣли то и дѣло слабые намеки на подпаденіе его подъ вліяніе современныхъ теченій и требованій времени. Но мы-же каждый разъ непосредственно за этимъ читали въ газетахъ краткое, лаконическое извѣщеніе о томъ, что „Августѣйшій московскій генералъ-губернаторъ, великій князь Сергѣй Александровичъ изволилъ вчера выѣхать курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ“. И сердце чуткаго русскаго обывателя, встрепенувшееся, было, слабой надеждой, сжималось до боли при чтеніи не менѣе лаконической замѣтки о томъ, что великій князь выѣзжалъ въ Царское село или даже тамъ поселился на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. И чуткое сердце русскаго обывателя не ошибалось. Либеральнымъ вліяніямъ и вѣяніямъ быстро и рѣшительно наступалъ конецъ, не дававшій снова и снова возможности сколько-нибудь оптимистически смотрѣть въ будущее.

Съ этимъ вліяніемъ великаго князя считались съ давныхъ поръ всѣ министры, всѣ приближенные и совѣтники Николая II, понимавшіе превосходно, что какъ единичная воля призвала ихъ на ихъ вліятельные и столь хорошо оплачиваемые посты, такъ таже единичная воля, подпавъ подъ вліяніе другой, болѣе сильной воли великаго князя, можетъ быстро и безапелляціонно лишить ихъ го-

сударственнаго положенія, престижа, оклада, курьеровъ и прочихъ аттрибутовъ министерской власти. Придворныя интриги, всѣ эти словесныя мины и контръ-мины, которыя пускаются безпардонными и безхарактерными субъектами, борющимися наверху изъ-за власти надъ несчастнымъ русскимъ народомъ, играютъ въ Петербургѣ, въ его высшихъ бюрократическихъ сферахъ, огромнѣйшую роль во вредъ тому же русскому народу. Всѣ законопроекты, прошедшіе черезъ государственный совѣтъ и получившіе силу законовъ, предварительно носили штемпель одобренія негласной партіи великихъ князей, формально стоящихъ вдали отъ Государственнаго Совѣта. Всѣ мѣропріятія, манифесты и указы, носившіе подпись Николая II, по существу раньше носили подпись Сергѣя Александровича, хотя формально онъ ихъ не подписывалъ, не составлялъ и даже предварительно не читалъ. Но его реакціоннымъ духомъ было пропитано все законодательное творчество, все административно-бюрократическое усмотрѣніе послѣднихъ десяти лѣтъ.

И даже самъ всесильный Плеве, этотъ временщикъ, въ чьи руки отдана была диктаторская власть надъ всей Россіей, считался до чрезвычайности съ мнѣніемъ и вліяніемъ великаго князя Сергѣя Александровича. Вотъ два мало-извѣстныхъ публикѣ, по существу пожалуй и незначительныхъ, но чрезвычайно яркихъ и характерныхъ доказа-

тельства въ пользу этого положенія. Великій князь не любилъ русской печати и считалъ, что газетъ въ Москвѣ слишкомъ достаточно. Онъ держалъ ихъ всѣхъ, такъ сказать, въ своей власти, и по числу газетъ было количество цензоровъ. Каждый мѣсяцъ они мѣнялись, и каждый мѣсяцъ каждой редакціи приходилось считаться съ произволомъ и капризами другого лица. Великій князь считалъ это нормальнымъ, естественнымъ, сугубо-необходимымъ и не желалъ имѣть въ своей Москвѣ большаго количества газетъ. Поэтому Плеве, въ отвѣтъ на всѣ ходатайства и просьбы объ изданіи въ Москвѣ новыхъ газетъ, отвѣчалъ стереотипнымъ отказомъ. Но когда Гаккебушъ, бывшій сподвижникъ Гринмута, имѣвшій доступъ къ великому князю, обратился въ свое время подъ маской благонадежности къ великому князю съ просьбой о разрѣшеніи ему издавать свою газету и нажалъ при этомъ нужныя ему знакомыя педали, Плеве разрѣшилъ немедленно и безпрепятственно новую въ Москвѣ газету, ушедшую позже значительно влѣво. Въ другой разъ Плеве издалъ циркуляръ губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицмейстерамъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Въ виду сего и озабочиваясь устраненіемъ всего того, что въ настоящее трудное время можетъ нарушать нормальное теченіе внутренней жизни имперіи и вызывать во многихъ случаяхъ неудовольствіе населенія, я признаю необходимымъ

нынѣ-же временно, впредь до возстановленія мира, пріостановиться съ выселеніемъ изъ числа евреевъ, неправильно, по мнѣнію подлежашей административной власти, поселившихся въ мѣстахъ настоящаго ихъ жительства, всѣхъ тѣхъ, которые или поселилися въ сказанныхъ мѣстахъ на законномъ основаніи, но за симъ утратили на это право, или уже проживаютъ тамъ продолжительное время, имѣя семью и домообзаводство". Этотъ циркуляръ чрезвычайно не понравился великому князю Сергѣю Александровичу, который обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, какъ къ своему непосредственному начальнику, съ ехиднымъ вопросомъ, какъ ему быть, въ виду того, что и Александръ III, и Николай II всегда настаивали на необходимости выселять евреевъ изъ Москвы. Въ отвѣтъ на это отношеніе московскаго генералъ-губернатора, министръ Плеве поспѣшилъ ему отвѣтить слѣдующимъ характернымъ документомъ, помѣченнымъ № 935 и датой 22 марта 1904 года: „По вопросу о временной пріостановкѣ выселенія евреевъ честь имѣю донести Вашему Императорскому Высочеству, что распоряженіе это должно имѣть примѣненіе въ предѣлахъ московскаго генералъ-губернаторства лишь въ той мѣрѣ, въ какой это допускается указаніями, данными Вашимъ Высочествомъ московскому губернатору и оберъ-полиціймейстеру".

Каковы были эти „указанія", преподанныя великимъ княземъ московскому губернатору и

оберъ-полицмейстеру, показало памятное еще всѣмъ поголовное выселеніе евреевъ изъ Москвы, вмѣстѣ со всѣми логическими и нелогическими, непосредственными и косвенными послѣдствіями его. Насколько обдуманы бывали и согласованы съ пользами и нуждами населенія преподанныя великимъ княземъ указанія московскому губернатору и оберъ-полицмейстеру, показала въ свое время воочію и Ходынка. Но не эти обѣ катастрофы, ярко иллюстрирующія государственный умъ и администраторскія способности великаго князя, интересуютъ насъ въ этотъ моментъ. Мы хотѣли показать, какъ обширно и велико было вліяніе великаго князя и какъ передъ этимъ вліяніемъ пасовалъ даже всесильный Плеве, имѣвшій по отношенію къ нему прямыя начальническія прерогативы.

И вдругъ находится человѣкъ, занимающій тотъ-же постъ министра внутреннихъ дѣлъ и осмѣливающійся вліянію подчиненнаго ему великаго князя противопоставить свой авторитетъ, гораздо болѣе вѣсскій въ государственномъ отношеніи! Когда началась борьба между начальникомъ и подчиненнымъ, между вліятельнѣйшимъ изъ несмѣняемыхъ великихъ князей и только лишь „калифомъ на часъ“ на посту министра внутреннихъ дѣлъ, побѣдителемъ остался послѣдній. Князь Святополкъ-Мирскій имѣетъ за собой заслугу освобожденія Москвы отъ великаго князя, какъ спустя какихъ-

нибудь два мѣсяца Иванъ Калаевъ освободилъ отъ Сергѣя Александровича всю Россію.

Въ этихъ словахъ нѣтъ кажущагося противорѣчія. Освобожденіе Москвы отъ ея генералъ-губернатора еще не было равносильно освобожденію Россіи отъ ея негласнаго правителя. То, что не было подъ силу министру внутреннихъ дѣлъ, остановившемуся на полъ пути передъ рѣшеніемъ этой великой освободительной задачи, рѣшилъ простой и незамѣтный выходецъ изъ народа. Моментъ народнаго суда былъ и своевременный, и подходящій. Въ борьбѣ съ врагомъ великій князь вынужденъ былъ уступить, сойти съ административно-политической арены. Но это-же побудило его изъ негласнаго вожака русской реакціи превратиться въ гласнаго и явнаго вдохновителя ея. Свое мнѣніе онъ имѣлъ смѣлость противопоставить мнѣнію пробуждающейся страны, онъ имѣлъ дерзость свое вліяніе противопоставить вліянію оживающаго народа. Онъ одержалъ побѣду, но народъ выслалъ одного изъ своихъ безстрашныхъ борцовъ, всегда готовыхъ пожертвовать жизнью за святое народное дѣло, и великій князь былъ стертъ съ лица земли.

Мы не станемъ разбираться здѣсь въ вопросѣ о томъ, поскольку велика была вольная и безвольная роль князя Святополка-Мирскаго въ нынѣшнемъ освободительномъ движеніи русскаго народа. Мы придерживаемся того мнѣнія, что не его слова о довѣріи къ общественнымъ силамъ создали это

освободительное движеніе, но что, наоборотъ, всѣ условія политической и общественной жизни страны заставили князя Святополкъ-Мирскаго произнести во всеуслышаніе это слово: „довѣріе“. И мы уже намекали выше, что если-бы бомба Сазонова не предварила событія, и Плеве суждено было-бы натянуть и безъ того сильно согнутый имъ лукъ до конца, этотъ лукъ русскаго самодержавія разлетѣлся бы, пожалуй позже нѣсколько, съ величайшимъ трескомъ вдребезги, и преемникъ Плеве говорилъ бы уже не о довѣріи къ общественнымъ силамъ, а о конституціи русскому народу. Но такъ или иначе Святополкъ-Мирскій сыгралъ свою историческую роль, и своимъ попустительствомъ, пожалуй, значительно больше, нежели своимъ сознательнымъ благожелательствомъ онъ довелъ русскую интеллигенцію до того, что она подняла голову и заговорила человѣческимъ языкомъ.

Великій князь Сергѣй Александровичъ глядѣлъ на міръ открытыми глазами и не узналъ его: то былъ сонъ, то былъ тяжелый кошмаръ. Московская полиція, въ подмогу которой великимъ княземъ посланы были войска и казаки, учинила избіеніе студентовъ, обычное, шаблонное, ставшее уже тривіальнымъ мѣстомъ избіеніе студентовъ, повторявшееся регулярно въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ. И что-же? Русское общество, т. е. русскіе обыватели, своевольно присвоившіе себѣ кличку русскаго общества осмѣлились протестовать,

осмѣлились открыто выражать вслухъ свой протестъ группами и въ одиночку, осмѣлились безъ обиняковъ называть главнымъ иниціаторомъ, организаторомъ и попустителемъ студенческаго избіенія великаго князя Сергѣя Александровича. Русская печать, эта золушка русской государственности, возомнила себя полноправной дочерью матушки Россіи и осмѣлилась, что дѣлала раньше только „крамольная“, „подпольная“ литература, разсказать русскому обществу исторію московскаго избіенія. И даже московскія газеты, цензоры которыхъ дрожали, какъ липки, при одномъ упоминаніи имени генералъ-губернатора, возымѣли неслыханную дерзость разсказать московской публикѣ про случившееся и указать на него, великаго князя, какъ на виновника избіенія. Московскіе общественные дѣятели стали съѣзжаться, сговариваться, совѣщаться и организовываться открыто и безстрашно, не боясь ни явныхъ, ни тайныхъ клевретовъ „августѣйшаго генералъ-губернатора“. Тѣ московскіе земскіе дѣятели, на которыхъ раньше онъ, великій князь, приказывалъ то и дѣло Булыгину прикрикнуть или написать недвусмысленное донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ въ Петербургъ, возымѣли теперь неслыханное въ анналахъ русскаго бюрократизма нахальство быть иниціаторами и организаторами ноябрьскаго съѣзда земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ. Они-же, по внушенію великаго князя, переданному черезъ Булыгина,

занимавшіеся лишь вопросами объ оврагахъ и мостахъ, кощунственно осмѣлились составить, предложить и провести на петербургскомъ съѣздѣ знаменитые пункты съ требованіемъ конституціи, хотя это слово ни одного разу въ пунктахъ и не упоминалось. А московская городская дума, всегда находившаяся подъ его опекой и всегда столь сугубо благонравная! И ея великій князь положительно больше не узналъ. Городской голова, имѣвшій „счастье“ время отъ времени представляться ему и въ парадныхъ случаяхъ быть вблизи него, осмѣлился теперь безъ надлежащаго разрѣшенія Булыгина поставить на очередь скрытый въ резолюціи вопросъ о конституціи. И, что хуже всего, когда Булыгинъ, по его приказанію, прикрикнулъ на думу, она не испугалась, когда городскому головѣ предложено было оправдаться въ превышеніи намѣченной городовымъ положеніемъ программы, онъ и не думалъ этого дѣлать, а гласные устраивали ему чествованіе за чествованіемъ и демонстративно переизбрали его въ городскіе головы. И когда Булыгинъ написалъ объ этомъ формальное донесеніе въ Петербургъ, оттуда къ великому ужасу и удивленію Сергѣя Александровича не пришло приказанія поступить съ московской думой такъ, какъ поступили десять лѣтъ назадъ съ тверскимъ земствомъ. Да что, и правительствующій сенатъ, оказывается, объятъ уже крамолой: онъ разрѣшилъ какой-то незамѣтной

дамѣ взыскивать судебнымъ порядкомъ съ московскаго оберъ-полицмейстера огромные убытки, понесенные ею вслѣдствіе незаконнаго и своевольнаго закрытія Треповымъ ея посреднической по найму учительницъ и прислугъ конторы. Да, великій князь Сергѣй Александровичъ отказывался понимать, что за вакханалія либераловъ, распущенныхъ Святополкъ-Мирскимъ, творилась вокругъ него! Сердце его обливалось черно-реакціонной кровью, и онъ „изволилъ выѣхать вчера курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ“.

Но въ Царскомъ Селѣ какъ будто всѣ перемѣнились. Какъ будто у всѣхъ уши оказались заложенными ватой. Даже самому царю князь Святополкъ-Мирскій такъ громко прокричалъ въ ухо слово „довѣріе“, что царь оказался глухимъ къ словамъ и увѣщаніямъ Сергѣя Александровича. Онъ пригрозилъ отставкой, думая, что это запугаетъ слабовольнаго племянника, но старый рецептъ оказался на этотъ разъ недѣйствительнымъ. Онъ подалъ въ отставку, думая, что подобный шагъ заставитъ одуматься того, кого онъ призывалъ одуматься. И, о неслыханный ужасъ! его отставка была принята, вмѣстѣ съ отставкой Булыгина и Трепова, и міръ не содрогнулся, земля не разверзлась, Россія не распалась, русскій народъ не обезумѣлъ отъ горя, сотни тысячъ московскаго населенія не просили колѣно-преклоненно великаго князя о милостивомъ возвращеніи въ

Москву съ прежнимъ саномъ и съ прежними широкими полномочіями! Сергѣй Александровичъ затаилъ великую злобу противъ племянника-царя и свалившаго его князя Святополкъ-Мирскаго, противъ всего міра вообще и русскаго народа, въ особенности-же противъ тѣхъ самозванцевъ, которые дерзко именуютъ себя русскимъ обществомъ. Онъ притаился въ тиши и ждалъ удобнаго момента, чтобы выказать этому русскому обществу свою злобу, чтобы дать ему почувствовать свою месть. И ждать ему пришлось недолго. Случай, стеченіе обстоятельствъ, быстрота переживаемыхъ Россіей событій дали ему возможность ждать только какихъ-нибудь девять дней послѣ оффиціальной своей отставки. Историческое 9-е января такъ запугало плѣнника въ Царскомъ Селѣ, что тотъ нашелъ въ себѣ силы снова поддаться вліянію Сергѣя Александровича. Одна его креатура, павшій вмѣстѣ съ нимъ московскій оберъ-полицмейстеръ Треповъ назначенъ былъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ съ диктаторскими полномочіями и съ порученіемъ гекатомбами жертвъ задавить рабочее движеніе въ Петербургѣ. Другая его креатура, бывшій его правой рукой гофмейстеръ Булыгинъ призванъ былъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ съ порученіемъ умиротворить Россію по старымъ московскимъ рецептамъ. Сергѣй Александровичъ торжествовалъ: онъ отомстилъ русскому обществу, онъ показалъ себя всему русскому народу,

какимъ онъ былъ и еще долго-долго, всегда будетъ! Онъ отнынѣ правитъ не только Москвой, но, за спиной своихъ бывшихъ клевретовъ, и Петербургомъ, и всей Россіей!...

Но торжество Сергѣя Александровича было недолговѣчно. Русское общество не снесло нанесеннаго ему оскорбленія, этого гнуснаго издѣвательства надъ святымъ для него освободительнымъ движеніемъ русскаго народа. Жребій-ли палъ на освободителя-мстителя или случай побудилъ его на этотъ актъ возмездія или-же единоличная воля выковывала строго-опредѣленный планъ мести за издѣвательство надъ русскимъ народомъ, — но рука Ивана Калаева не дрогнула, и отъ Сергѣя Александровича остались только лишь подобранные позже куски безформеннаго мяса.

Типографія Левента, Берлинъ SW. 68.